

Виктор Брусницын

Аля-улю или Странствия примерного крановщика

Виктор Михайлович Брусницин Аля-улю или Странствия примерного крановщика

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29823217

SelfPub; 2018

Аннотация

Забавные приключения простого российского крановщика в Болгарии, на курорте Слынчев бряг.

Насчет экзотики-то я нынче непосредственный, поскольку отведавши сего продукта изобильно.

Докладываю, есть я Николай Орлов, парень незатейливой судьбы, добротный в плечах, со скромными притязаниями и женой Тamarой, особой не последнего значения, а если конкретно – габаритной и плотной, имеющей взгляды на жизнь и прочее. Вот судьба и пихнула нас в Болгарию на отдых по случаю пары путевок, не приспособившихся в СМУ, куда причислен я оказался, и Тамариной расторопности. И верно, море еще из самолета приветливо ударило сияющей лазурью, горизонт был близок и вял, в глазах окружающих баловались блики.

Как на место пожаловали, так и пошло. Номер оглядели, котомки бросили и на пляж, чтоб временной отвод до кромки истребить. Наша пара да из группы кое-какие образцы.

Расположились было, а вокруг слова иностранные шмыгают, да не с периферии какой, а все немецких и английских тональностей. Меня сомнение взяло – калашный ряд углядываю, – а тут и мадам болгарского вида подошла и возражать затеяла: вон, де, ваши вотчины. Правда, мимо нас с Тamarой она промахнулась, а женщины наши привстали и принялись следовать указаниям. Я вроде вякнул жене о щекотливости диспозиции, но та возразила так:

– Да пошла она...

И не нашелся я возразить, ибо мадам действительно уже

шла.

Тут мальчонка годовалого где-то роста подошел и ну мне рожи конструировать. Я исподтишка оглядываю, чтоб вникнуть, в каких падежах изъясняться – никаких обозначений. И войди в меня шальной проект обратным методом разговаривать: принялся язык да разные физиономии показывать. За кого существо меня принял, не ведаю, только расположился пальцы в разные мои необходимые отверстия засовывать, в ноздри то есть, уши и так далее. А что, скажите, делать, когда кругом рот-фронт и прочая дружба – терплю.

Родительского догляда нет и начал я беспокоиться – этак, думаю, киндер мне всю внутренность попортит. Благо супруга решила посочувствовать и шасть ему в трусы песку пригоршню. Мужик тут же презентом занялся и от меня отвык. Словом, первый конкурс мы прошли.

А тут персон пять мадамсов заграничных склонностей пожаловали и ну перед моим носом лифчики снимать. Под ними у заграничных персон исключительные оказывается предметы содержаться, да все разных ГОСТов и ракурсов. Расстроился, было, от такой умозрительности, но обескуражила меня Тамара немедленно душевным разговором. Так что всю внутреннюю статью сохранил.

В общем, встревожили подобные экзамены, аж Томсон на мой загадочный облик посетовала. На другой день переместились в свой загон и отвердел я на происки окончательно, но ждали еще впереди всякие разносторонности.

Прошло, допустим, пару дней, а уж винные-то магазины я обследовал до исподнего. Доложу при этом, что прекословной моей Тамаре еще дома зарок дал: вынь да положи мне на винище ресурс, а там хоть небо покупай. Тамара слюной, разумеется, брызнула, но ведь поездку-то я спроворил, как примерный крановщик. Так что здесь я баррикада.

Тошота ресурса, само собой, сразу выявилась, и приходилось мне учинять обследование лабазов, дабы прихотливых цен достигнуть. И выявил на этот случай любезный городок Несебр, что обитал неподалеку от Слынчева Бряга. Вот обнаруживаю автобусную остановку и поступаю по ней прохаживаюсь. Солнце цветет беспощадно, и одинешенек я остановку оккупирую.

Постоял единолично коротко, ан гляжу, присовокупляются некоторые обыватели. Шесть человек и такого все заграничного и неказистого вида, что слезу у меня чуть не вышибло. Возраста преисполнены далекого, плюгавые да еще в коротких штанишках поголовно... Как не порадеть, когда вижу, что одна бабулька правит прямехонько и метит мне вопрос задать. Изобразил соболезнавание и ухо навстречу. Она возьми да по-английски потревожь:

– Простите, это остановка автобуса на Несебр?

Здесь имею доложить, сколько бы вы не расстраивались, что я не дурак. Если наглядно, то в английском языке я гражданин веселый. В учебной школе мне по этому предмету

сплошные пятерки с минусами перли, – минусы оттого, что внешность моя к английскому не подходит. Словом, такие-то глупости я сходу разоблачаю. Ну, соответственно, гляжу на старушку умильно и отвечаю искренне:

– Э-э... эскьюз ми (что надо, то есть, уважаемая)...

Самого жалость к бабуле треплет, потому как чувствую, что по-русски она ни полслова. А гражданка попалась хозяйственная, на мой искренний ответ унятия не происходит, а изобретает преклонная следующий зигзаг. Тычет пальцем под ноги и на совершенно голом английском спрашивает:

– Несебр?

Тут я, понятное дело, обиделся.

– Ты что, – говорю, – дарлинг. Это Слынчев Бряг. А Несебр – там.

И показываю в надлежащем направлении.

Здесь у болезной глаз как-то странно дернул. Посмотрела она на меня пристально и отодвинулась мелкими шажками к своим. Сбились в кучу, талдычат невнятно о вещах и по сторонам озираются.

Стоим, стало быть, во времяпрепровождении. Солнце прет, деревья шебуршат, птицы свое лопочут, машины туда-сюда ерзают – лепота. И приходит мне в этом счастливом мироздании идея: черт меня дери, так бабец, поди, про остановку спрашивала. Одернул меня тут конфуз и обрел я фантазию: как бы, думаю, пострадать за русский народ, чтоб домыслов о нем каких не состоялось.

Здесь-то и потребно пояснение. Аккурат напереднем днем затеял я такой же вояж и обзавелся некоей практикой. Дело в том, что наша остановка была второй от начала маршрута, а весь жаждущий контингент, вероятно из удобства расположения, сосредотачивался на первой. Стало быть, к нам автобус прибывал с наличием изрядным. Поскольку езда до места сопровождалась временем, удобно было садиться в автобус, следующий *из* Несебра, то есть на другой стороне дороги.

Говоря проникновенно, задумал я отделить тайну моим старичкам с заботой о здоровье. Вот выскреб все имеющиеся в английском языке слова и сляпал в голове очень актуальную фразу. И не стал мешкать, а подойдя к сообществу излагаю историю на помеси двух насущных языков.

И видно очень ловко все это я изложил, потому как сразу после звуков двинулись ребята всем кагалом на противоположный тротуар. Да вот же подлость, только они это закончили, выныривает автобус с совершенно пустяшным наличием. Поскольку я остался на прежнем месте, не болея о сидячем положении, пришлось мне взгромоздиться в транспорт и уехать, унося обиду недоразумения.

Оно бы и безделка, кабы не встретил я часом позже оных уже в Несебре и не выслушал разные словосочетания хоть и английского свойства, но явно невеселого содержания.

Сидите в околотке, обещаю я вам. Полшага за границу

ступишь, сплошные карамболи пойдут.

Вот пример. Едем мы как-то из Бургаса, что расположился вне Слынчева Бряга. Глядим, растут обочь дороги черешни, а цыганки, отделив руками плоды от дерева, кладут весьма непосредственно их в рты и надлежащие емкости. Тотчас и припожаловала к моей Тамаре, близкой к торговым кругам, громоздкая мечта.

– Чем я хуже цыган? – озаботилась она проблемой. – Положим, гадать я в мастаки не набиваюсь, а уж черешню надкусить, будьте любезны... Тут я непременно чавел.

А пора вам знать, что гуляючи единожды вместо променада по окрестностям села Слынчев Бряг напоролись мы на обширный сад с расположенными в нем деревьями. Соответственно, излагает Тамара свой чертеж, заканчивая так:

– Значит, пойдём мы вдоль заборчика, и как выглянет за него нерасторопная веточка, уж по яголке тогда и отломим.

Меня, естественно, сомнение взяло, и принялся я думать, как афронт учинить, но запустила моя Тамара разными местами ко мне прислоняться, и от такого загадочного поведения я разволновался и решил отложить проблему до рациональных времен.

На другой день вечером углядел в существовании моей нежнейшей полное созревание и решимость. Сунулся приборматывать что-то насчет насморка и головной боли, но пресечено это было так:

– По яголке и больше ни-ни.

Так что взяли мы баульчик довольно безразмерный и следуем в дислокацию. Дефилируем, стало быть, весьма нервно и молчим промеж собой. Стали подтягиваться к расположению, я не сдюжил:

– На международный скандал нарываемся.

– Что ты за мужик такой, – сердечно отвечает Тамара торговая, – ничего не бойся, положишься на меня.

– Положиться, положим, я могу, поскольку мужчина обязательный. Только когда международный – это совсем не чай с витаминами. Сошлют в кутузку, а у меня режим.

– Экий ты невоспитанный, – поучает деликатная, – ну сошлют, мух меньше будет.

Короче, роптал я роптал, ан и к месту пришли. Оглядели предприятие и сникли до крайности, как не вылезают ветки за заборчик. Прошлись от беспредметности затеи и высмотрели в глубинах оазиса домик и калитку в заборчике. Тамара неразлучная мне и говорит:

– Стой на месте и не дыши.

Сама к домику направилась да и скрылась в нем. Я не дышу, что мне.

Только выглядывает Томка из строения и рукой машет: придвинься, мол. Я снизошел на просьбу.

Подле дома собачки – все по международным правилам – воркуют на меня прискорбно. Но веревочкой прикреплены, так что я им улыбочку: де, по промежуточным делам, без греха. А Томсон мне совет дает:

– Газуй в общежитие, бери бутылку и обратно чтоб мигом.

Это заветную-то, из дома привезенную! Я, понятно, сердечную скорбь испытал и экзаменую ненаглядную:

– Зачем бутылку?

– На черешню поменяем, – открылась Тамара взаимная.

Вздрогнула, конечно, моя сущность и рассуждаю я ласково:

– Ты что, курва, рехнулась? Божеский напиток на какой-то там фрукт... Да я скорей тебя отдам!

– Молчи, дурак, – выражается в ответ душевная моя, и ба, выглядывает из-за ее контуров человек достаточного возраста и болгарских предрасположенностей.

– Здравствуй, – говорит и улыбку содержит в физиономии.

Не станешь же при обозначенной ситуации доказывать, что дурак не я, а как раз напротив. Разворачиваюсь, стало, и поспешаю до хранилища, мечтая при том каверзу в дальнейшем моей дражайшей соорудить.

Обратно когда прибыл, застаю питье чая в обстановке любезнейшей. Передаю сверток дерзкой, та гражданину-сеньору, а этот незамедлительно хлобысть предмет на стол. Отлегло немножко душой, а мужик тем временем раскрывает перед Томкой весь свой образ жизни. И что характерно, на исконном нашем языке, хоть и с примесями. Я, дело ясное, сторожу, когда открывать начнет.

Расклад между тем такой. Внедрились мы в кооператив-

ный сад, а товарищ-господин – хранитель. При этом обходительный – отворяет флакон. Там и на столе рацион: колбаса, сыр-брынза, перец, фрукт разнообразный. Словом, млеет душа.

– Был русский – старший брат, теперь – друг по демократии, – назидает благодетель и по емкостям прохаживается.

– Ты кто, – отвечаю я ему.

– Петко Петков, – возражает.

– А я крановщик. За процветание будущего, – и туда ее родимую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.